

18+

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
ИСАЕВ

Приключения Метровочки, Железного Колоба и К°

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК

Владимир Исаев

**Приключения Метровочки,
Железного Колоба и К°**

«Издательские решения»

Исаев В. Н.

Приключения Метровочки, Железного Колоба и К° /
В. Н. Исаев — «Издательские решения»,

Дед Василий откинулся с кичи и подобрал в лесу Аленушку. Но сказка пошла не по плану: Колобок тут — криминальный авторитет, а Дюймовочка выросла до Метровочки и сперла магический артефакт у тоталитарных фей. Теперь банда из бывшего зека, кабанов-отморозков и тучной Машеньки с ухватом идет брать штурмом храм «То, чего нельзя увидеть». Цель: вернуть народу право смеяться, танцевать и жрать мед без лицензии! Осторожно: внутри зашкаливающий уровень абсурда, блатная романтика и свинский юмор.

© Исаев В. Н.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Сбор шайки	6
Пролог	6
Глава 1. Встреча, или вдруг откуда ни возьмись, появилась...	9
Глава 2. Геройский барсук	15
Глава 3. Вербовка, или без драки дружбы не бывает	18
Глава 4. Как бордель стал храмом	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Приключения Метровочки, Железного Колоба и К°

Владимир Николаевич Исаев

© Владимир Николаевич Исаев, 2026

ISBN 978-5-0071-4169-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Сбор шайки

Пролог

Дед Василий вышел на свободу после очередной отсидки за серию мелких краж. Ступив за ворота исправительного учреждения, он вздохнул полной грудью: воздух пах сырой землей, прелой листвой и чем-то бесконечно вольным, совсем не похожим на тюремный коридор. Василий погрозил пальцем весеннему солнышку, будто предупреждая: «Только без нравоучений», — и, напевая что-то незатейливое под нос, отправился ловить такси.

Дома его никто не ждал, да и, собственно, не очень-то он и спешил в свою развалюху на окраине села Мироновки. Сорок лет сознательной жизни он провел, переходя из колонии в колонию, так что неизвестно, какой «дом» был роднее.

Доехав до места, Василий вышел из машины. Таксист уже щелкал счетчиком, не глядя на пассажира, и Василий, сам того не замечая, сунул автоприкуриватель в карман. Старая привычка: тащить домой любую мелочь, которая плохо лежит. Даже если она ему сто лет не нужна. Даже если он вообще не курит. Просто рука сама тянулась к халяве.

Погода, что называется, шептала, настроение было выше крыши, и дед решил срезать путь через лес. Тропинка вилась веселой лентой, огибая вековые ели, и будто сама подталкивала его ближе к хатке — так ласково называл Василий свое жилище.

Он шел и орал во все горло похабные песенки — хрипло, на манер петуха, который уже не тянет высокие ноты, но сдаваться не собирается.

Вдруг из-за толстой сосны донеслось тихое всхлипывание. Дед замер, подобрал сучковатую палку и, пригибаясь, словно десантник в тылу врага, стал подкрадываться к дереву. Обогнув ствол, он с удивлением обнаружил в корнях маленькую девочку лет десяти. Она сидела, уткнувшись в колени, и плакала.

Василий растерянно присел на корточки, почесал густую шевелюру, обильно осыпанную сединой, и мягко спросил:

— Ты чего, кроха, плачешь?

Он ласково погладил ее по головке, и девочка шмыгнула мокрым носом.

— Я заблудилась, — пискнула она. — Шла-шла, грибочки собирала, а потом... заблудилась.

— Ну, не плачь, не плачь, маленькая, — бормотал дед, пытаясь ее успокоить. — Где ты живешь?

— Не по-о-мню! — еще сильнее разревелась та.

— Совсем не помнишь?

— Со-о-все-ем...

— А звать-то тебя как, помнишь?

— Аленушка.

— Ну и то хорошо, — Василий задумчиво почесал макушку. Опыта общения с детьми у него не было никакого, и он совершенно не представлял, что теперь делать. Старик стал вспоминать близлежащие деревни и перечислять их:

— Бардаковка?

— Нет, — Аленушка печально покачала русой головкой.

— Грязево? Мочалки? Недоделкино? Мериновка?

— Нет, нет, нет, нет...

Василий озадаченно посмотрел на девушку. Больше близких деревень он не знал, а до дальних было не меньше пятидесяти километров. Этой пигалице такое расстояние просто не пройти. Солнце уже завершало свой дневной бег и плавно садилось за макушки деревьев.

— Ладно, — вдруг решил он. — Пойдешь ко мне в гости? А утром решим, что с тобой делать. Эх, придется к мусору на поклон идти.

— Дедушка, а зачем мусору кланяться? — удивленно округлив синие глазки, спросила Аленушка.

— Да я не про тот мусор, — отчего-то смутился бывший сиделец. — Давай-ка забирайся ко мне на закорки.

Он легко поднял девочку и посадил на плечи. Несмотря на свои семьдесят, Дед был все еще сильным и крепким мужиком, кряжистым и могучим, словно вековой дуб. В тюрьмах даже наглая молодежь стороной обходила этого медведеподобного старика, уступая ему лучшие места.

Аленушка уже совсем успокоилась и теперь восторженно оглядывала окрестности с двухметровой высоты.

Вот они, наконец, подошли к небольшому покосившемуся домику, который стоял на отшибе, возле самого леса. Василий отпер ржавый замок и распахнул двери настежь. Зайдя внутрь, он угрюмо посмотрел на толстый слой пыли, покрывавший все вокруг серым ковром. Тяжело вздохнув, он отправил Аленку погулять, схватил метелку и кое-как разметал пыль по углам. Затем оглядел комнату и, оценив результаты своего «труда», удовлетворенно крикнул:

— Так, теперь нужно позаботиться о хлебе насущном, пока окончательно не стемнело.

Позвав Аленушку, он сказал:

— Ты, девонька, посиди здесь чуток, а я за продуктами схожу. Только не отходи далеко от дома.

— Хорошо, дедушка, — ответила та весело и скромно присела на лавочку.

Сельский магазин находился в центре села и наверняка был еще открыт. Василий шел по улице, отвечая на редкие приветствия односельчан, которые с любопытством выглядывали из-за покосившихся оград. Наконец, добравшись до сельпо, он поздоровался с вечно недовольной продавщицей Клавой и достал кошелек. Пересчитав выходное пособие, выданное администрацией колонии, Василий купил хозяйственную сумку и набрал продуктов на неделю сытой жизни.

Закинув пятидесятикилограммовый мешок на плечо, он отправился восвояси, провожаемый удивленным взглядом Клавы. Подойдя к дому, дед чуть не запнулся о расстеленный на крылечке коврик и ошарашенно уставился на надпись на дверях: «Вытирайте, пожалуйста, ноги».

Осторожно приоткрыв дверь, он заглянул внутрь и остолбенел. Помещение блистало идеальной чистотой! На окнах висели чистенькие занавески, стол был накрыт белоснежной скатертью, мебель аккуратно расставлена, и ни одной пылинки вокруг. А на лавке, на том же месте, где он ее оставил, сидела раскрасневшаяся Аленушка, застенчиво потупив глазки.

— Как же это... Зачем же это... Да как ты все сумела-то?! — бормотал дед Василий, боясь и шаг ступить по расстеленным ковровым дорожкам.

— А я, дедушка, на руку скорая-скорая! — рассмеялась Аленка и, соскочив с лавочки, потянула его в комнату. — Ты проходи, проходи давай. Что принес? Выкладывай. Сейчас я и ужин быстренько-быстренько сготовлю! — щебетала она, доставая продукты из огромной сумки.

Василий изумленно смотрел на мелькающие ручки девочки. Алена, не переставая трещать без умолку, уже орудовала кухонным ножом, очищая картошку и кроша ее в чугунную сковороду.

— Ты присядь, присядь, дедушка, устал небось с дороги, а я сейчас-сейчас, — приговаривала она, включая плиту и грохая на нее сковороду.

Оправившись от шока, Василий робко спросил:

— Может, тебе помочь чем, деточка?

— Ага, — просто ответила она. — Принеси водички холодненькой.

Через полчаса они сидели за столом и с аппетитом уминали жареную картошку, запивая мятным чаем.

— Хорошо-то как, — дед Василий сыто откинулся на спинку стула.

— Хорошо, — вторила ему Аленка, сонно моргая глазками.

— Да ты, девонька, никак спать захотела, — всплеснул дед руками. — Ишь сомлела, устала, горемычная. Давай-ка я тебя на кровать положу.

Василий легко поднял девочку и осторожно отнес ее в чистую, только что перестеленную Аленкой кровать. «И когда только успела, стрекоза», — ласково подумал он, поправляя одеяло.

— Дедушка, — пробормотала сквозь сон Аленушка, — расскажи мне сказку.

— Сказку? — растерялся тот. — Какую же тебе, милая, сказку рассказать?

— А любую, только интересную-интересную.

Василий никогда не читал сказок. В голове смутно вырисовывались образы из глубокого детства: репка, бабка, Колобок... Что ж, придется импровизировать. Он тяжело вздохнул и начал:

— Жил да был Колобок. Не то чтобы очень круглый, но и квадратным его не назовешь. Так, нечто бесформенное... Колобок, одним словом...

Глава 1. Встреча, или вдруг откуда ни возьмись, появилась...

Жил да был... Кажется, так начинается большинство русских сказок? Ну и наша пусть не будет исключением. Так, значит, был да жил Колобок. Родился он в городской пекарне, где пьяные пекари вовсю проявили безудержную фантазию, слепив нечто среднее между хлебобулочным изделием и авангардным арт-объектом: приладили к голове уши-лапшу, нос картошкой и ноги-лапти. Вырезав в тесте пасть и обильно полив маслом, они засунули сие произведение искусства в печь и напрочь забыли о нем.

Колобок, подгорая, постепенно обретал сущность и сознание. И первым, что он осознал, была несправедливость бытия: его собирались сжечь, не спросив мнения. Поняв, что еще чуть-чуть и его даже в сухари не возьмут, он выбил лаптем дверцу и, вопя во все горло: «Караул! Пятки жжет!», выскочил во двор. Оглядев окрестности безумными глазами, он сиганул что есть мочи прочь от впавших в ступор нетрезвых пекарей, оставляя за собой лишь сизый дымок да запах жженого хлеба. Вот так и началась история нашего Колобка.

Много ли, мало времени прошло, о том нам неизвестно, но с тех пор Колобок заматерел, зачерствел, обкатался и покрылся толстой непробиваемой коркой, намотав на себя грязево-каменистую броню, превратившуюся чуть ли не в твердый наждак, о которую сломало зубы немало лесного народа. И стали нашего героя звать Железным Колобом. Слава у него была такая, что с ней, пожалуй, мог сравниться разве что асфальтоукладочный каток. Вот только каток не орал: «А ну расступись!» — и уж точно не катился с наглой ухмылкой, давя всех встречных и поперечных. И мелочь лесная, и звери покрупнее его опасались да стороной обходили, едва слышав самохвалебные вопли, которые Колобок считал пением.

А Колоб по лесу шлялся, по-фене ругался да на всех задибался. Даже мишку косолапого до нервного срыва довел, отдавив ему все четыре лапы. Михайло и косолапить-то в другую сторону стал: ходит задом вихляет, ну ни дать ни взять петушок в брачный период. Теперь всяк над мишкой потешается, а Колобку хоть бы хны.

«Я, — говорит, — не виноват, что этот балбес под колеса сунулся. Нечего на проезжую тропу из кустов выскакивать. Сидел бы себе в малиннике да жрал ягоды... и был бы теперь не Машей, а по-прежнему Мишей».

В общем, страдали лесные жители от беспредельщика Железного Колоба жестоко. И так бы продолжалось до сих пор: терроризировал бы он всех потихоньку, собирал бы дань шишками да желудями, раскатывая по лучшим тропинкам леса, если бы не случилось одно происшествие, в корне изменившее его судьбу.

Как-то катился Колобок по лесу в отличнейшем настроении. Он только что закончил разборки с местной шпаной — лесными белками — и был весьма доволен результатом. Белки оказались невообразимо тупыми и, приняв Колобка за большой орех, тут же поплатились за это своими резцами. Теперь у Железного Колоба не было конкурентов, и он остался единственным крутым перцем во всем лесу. В благодушном расположении духа он катил по центральной тропе, напевая под нос шлягер собственного сочинения:

*Я от пахана ушел,
Мусор тоже обошел,
И теперь мне все по фене,
Я хендашу рок-н-ролл!
Брысь с дороги — я качу,
А не свалишь — проучу,
Отдавлю хвосты и лапы,*

И вообще... Я жрать хочу...

Дед Василий прервал свою отнюдь не детскую рассказку, погладил спящую Аленушку по головке и отправился почивать на широкую дубовую лавку. «Да-а... Вот ведь как бывает, — подумал он, закрывая усталые глаза. — Не ждал, не гадал, как сам в сказку попал».

И приснился ему удивительный сон прямо с того самого места, где он прервал рассказ своего «бестселлера»...

Значит, катился Колобок, распевая песню, как вдруг откуда ни возьмись появилась... Нет, не Красная Шапочка, что по лесам с корзинкой бегала. Та давно сменила лесную романтику на более доходное ремесло. Теперь она обосновалась в особом крыле постоянного двора. И, надо сказать, чувствовала себя там куда увереннее: вместо «Ой, волк!» теперь раздавалось строгое «А ну не хулигань!».

В громком треске и едком дыме перед господином Колобом (как он сам себя любил называть) материализовалась Дюймовочка. Впрочем, за последнее время она слегка подросла и теперь гордо именовала себя Метровочкой.

— Опаньки, — сказал ошалевший Колобок и уселся на... другой бок. — А ты, мелкая, кто такая?

— Апчхи! — чихнула Метровочка, вытирая грязным рукавом мокрый нос.

— Сам ты... недомерок круглоголовый! — зашипела она, оглядывая Колобка недобрым взглядом и медленно приближаясь к нему, закатав рукава. — Я Метровочка, понял? Не какая-нибудь там мелочь пузатая! У нас на районе за такие слова сразу по ушам дают.

— Да я не... Я просто... — забормотал Колобок, отступая от напористой незнакомки.

— Не надо мне «просто»! — рявкнула Метровочка. — Всю жизнь меня за мелочь держали. То «крошка», то «букашка», то «пылинка». А я, между прочим, ростом уже почти с барный табурет, и планы у меня не пылинковые! Так что не смей меня так называть, ясно?

Колобок от такого наезда буквально на уши встал, перекатившись с левого бока на правый.

— Да ты чего, герла, в натуре? Чего боталом-то размахалась? — взбрыкнул он. — Я еду, еду, не свищу, а как наеду — опущу. Короче... Чего завелась-то?

— А того! — верещала Метровочка, хватаясь правой ручкой за ухо Колобка, а левой незаметно обшаривая складки его боков, куда он прятал особо ценные мелочи. — Я тебе не Красная Шапочка, чтобы со мной не церемониться. Я Метровочка! И со мной шутки плохи! Понял?

— Дык как не понять-то, не дурак я, хоть и круглый, — оправдывался Колобок. — Ты девка своя в доску и даже в целый настил своя. Я это сразу понял. Только отпусти ушко, а?

— То-то же, — усмехнулась Метровочка и отцепилась от уха, пряча содержимое складок себе под юбочку. — Ну и что тут у тебя интересного?

— Уф-ф, — пропыхтел Колобок, перекатываясь на то, что, по его мнению, являлось ногами.

— А ты крутая мел... девочка, — радуясь, что легко отделался, признал он и расплылся в широкой улыбке. — Прямо ураган.

— А то, — ухмыльнулась Метровочка, сплевывая ему под ноги. — Я в стране фей до сих пор в розыске. За дело, между прочим.

— Ух ты! — разинул рот Колобок. — Так ты из наших, из братков?

— Скорее уж из сестретков, — хмыкнула она, усаживаясь на ближайший пенек.

— А мы вот тут тоже экспро-при-ацией занимаемся... то есть разбоем, — старательно выговаривая сложное слово, произнес Колобок.

— Фу, как грубо, — скривилась Метровочка. — Грубо и неэстетично. В наше время нужно заниматься более элегантными делами.

— Как это?

— Ишь ты, не накормил, не напоил, спать не уложил, а всю раскладку ему выдай, — хохотнула Метровочка и сладко потянулась, чуть не свалившись с пенька.

— Так никаких проблем, пошли ко мне на хату, там и побалакаем.

Хата у Колобка была шикарная: через пень-колоду, на колоде мох прессованный, иголками сосновыми обложенный. В общем, не хата, а особняк двухэтажный.

— Заходи, гостей будешь, — распахнул двери Колобок. — Зацени апартаменты! — гордо приосанился он.

— Да тут и оценивать-то нечего, — заржала Метровочка. — Твой пенек и бомжара еж за пол-литра не возьмет.

— Но-но, — обиделся Колобок. — Ты внутрь... внутрь глянь!

И впрямь: столы стояли дубовые, золотым осенним листом обитые, светильники в каждом углу понатыканы, свежими светлячками запровленные. Стены украшала мозаика: шишечка к шишечке, скорлупка к скорлупке. Пол был выстлан шкурками из мышей задавленных, будто ковром.

— Ну как, впечатляет? — поинтересовался Колобок.

— Впечатляет, — буркнула Метровочка, опасливо ступая по мышьиной ковровой дорожке и брезгливо кривя губки. — Но уютненько тут у тебя... по-своему.

— Это еще что! — обрадованно воскликнул Колобок. — Пошли, я тебе спальню покажу.

Он распахнул дверь в соседнюю комнату. Метровочка заглянула внутрь и тут же отшатнулась.

— Ой-ой-ой, — протянула она. — Это что за экспонат?

В углу стояло чучело крольчихи, выдавшей вида, потрепанной, с подозрительно блестящими глазами, словно знавшими что-то, чего не ведал никто в комнате.

— Ах, это... — смутился Колобок. — Старая подруга. Память о временах лихих.

— Понятно, — хмыкнула Метровочка. — Сентиментальность — это, конечно, хорошо. Но давай лучше про дела.

— Сейчас, сейчас, — засуетился Колобок. — Сначала надо гостью уважить.

Он приосанился, будто собирался выдать что-то очень значимое, вроде торжественной речи или хотя бы приличного комплимента.

— Ну что, госпожа Метровочка, — важно начал он, — позволь я тебя провожу в обеденный зал. Как полагается: с уважением, с почетом...

Он вытянул одно ухо и попытался приобнять Метровочку за талию, но случайно зацепил им край ее юбки, которая поползла вверх.

— Эй, ты чего?! — Метровочка подскочила на месте, а затем принялась лупить его по бокам крепкими кулачками. — Не для тебя мои спелые ягодки! — закричала она, грозно тыча в него пальцем. — Не для тебя, ясно?! Уши при себе держи, а не суй куда попало! Я тебе не куль с мукой, чтоб развязывать!

— Да я не... Да я вообще за плечики хотел! — оправдывался Колобок, уворачиваясь и перекатываясь из стороны в сторону. — Ну, то есть... чтобы поддержать! Просто не дотянулся!

— Ага, не дотянулся, — прищурилась Метровочка. Она уже не кипела, но все еще была на взводе. — В следующий раз сначала спроси, куда тянешься. Может, и разрешу... если день будет хороший.

Она выдохнула, одернула юбку и вдруг улыбнулась уже не зло, а с хитринкой.

— Ладно, мир, — проворковала она. — Но проводишь ты меня теперь исключительно на расстоянии вытянутого уха. Понял?

— Понял, понял, — закивал Колобок, пряча уши куда-то внутрь себя, будто надеялся, что так они перестанут жить своей жизнью. — Я теперь вообще ничего не трогаю. Только качусь. И все.

— Вот и славно, — хмыкнула Метровочка. — В столовку бегом марш. И без фокусов.

Она нарочно чеканила шаг, чтобы Колобок не вздумал снова что-нибудь «случайно» подцепить.

— А теперь давай про еду, — добавила она. — Жрать хочу так, что даже сосновая кора сейчас как праздничный пирог покажется.

— Сей момент, — пробормотал Колобок, все еще немного обиженный, что его галантность не оценили, и покатился на кухню.

— Эй, подруга! — крикнул он оттуда. — Чего тебе: лягушачьи лапки, жуков жареных? Или у нас тут деликатес имеется... икра заболотная?

— Ты с ума сошел? — рявкнула Метровочка. — Какие жуки? Мне меду давай! Меду, и побольше!

Пока Колобок суетился, она уселась за стол и заметила мирно дремлющего таракана, который обожрался крошек и теперь видел сладкие сны. Метровочка хмыкнула, прицелилась и хлопнула ладонью по столу. Таракан даже не успел удивиться.

— Чего шумишь? — вкатился в комнату Колобок.

— Да так... Старые счеты, — пожал плечами Метровочка, будто ничего особенного не произошло. — Насекомых терпеть не могу. Ну что там у тебя?

Колобок смущенно поставил на стол бутыль.

— Вот, — сказал он, слегка гордясь. — Настоячка. С прошлого года. На мухоморах выстоянная. Очень бодрит!

Метровочка скосила глаза на бутыль, потом на Колобка.

— На мухомо-о-о-рах? — протянула она. — Ты серьезно? У тебя от нее, наверное, еще с прошлой осени в ушах звенит. Я не просила выпивку, я просила еду. Давай без этих твоих «бодрящих» штук, ладно?

— Ну ладно, ладно, — заметался Колобок. — Вот орешки кедровые, лапки печеные...

— Орехи давай, — твердо сказала Метровочка. — Остальное оставь для тех, кто любит сюрпризы.

Она запустила пальцы в чашку с орехами и захрустела, поглядывая на Колобка с насмешливой улыбкой.

— А меду точно нет? — спросила она между делом.

— Точно, — вздохнул Колобок и потер шрам на боку. — Пчелы-злыдни не дают. Охрана у них — не подступишься. Чуть шагнешь — сразу в атаку.

— Понятно, — кивнула Метровочка. — Значит, будем действовать хитростью. Я такие крепости брала, что эти пчелы мне как муравьи.

— Это ты сейчас про мед? — насторожился Колобок.

— Про мед, про славу, про все сразу, — подмигнула она. — Главное, чтобы ты не мешал и вовремя катился в нужную сторону.

Колобок хотел было обидеться, но вместо этого вдруг расплылся в улыбке.

— Знаешь, — сказал он, — с тобой не соскучишься.

— Еще бы, — хмыкнула Метровочка и щелкнула скорлупкой. — Я вообще человек... то есть фея... дела. А не для того, чтобы тут сидеть и на мухоморную настойку смотреть.

Тут Колобок, не удержавшись, снова попытался сделать что-то хитрое: вытянул одно свое ухо и будто бы ненароком направил его к гостье чуть ниже, чем нужно. Метровочка тут же прищурилась.

— Ушки, — сказала она строго, — пусть пока остаются на месте. У них и так дел хватает: слушать, подслушивать, а не... Ну, ты понял.

— Я просто... — забормотал Колобок.

— Просто — это когда ты просто сидишь, — отрезала Метровочка, но тут же смягчилась. — Ладно, не переживай. Ты парень, конечно, неуклюжий... Но зато честный. И не пытаешься казаться кем-то другим.

— Спасибо... наверное? — неуверенно протянул Колобок, не зная, комплимент это или очередное подтрунивание.

— Не за что, — фыркнула Метровочка. — Просто факты. А факты надо уважать. Как и личное пространство.

— Уважаю, — закивал Колобок. — И пространство, и факты, и... вообще все. Особенно когда ты не лупишь.

Метровочка усмехнулась, пряча улыбку, и подвинула к нему чашку-тыкву.

— Тогда наливай мне просто воды. Холодной. Без мухоморов. А энергию свою избыточную давай лучше в полезное русло направь. Например, придумай, где достать раскладушку.

— Раскладушку? — растерялся Колобок.

— Ага. Потому что спать я буду нормально, на кровати. А ты... Ну, найдешь себе место. Главное, чтобы храп твой по лесу не разносился.

— Я не храплю! — возмутился Колобок.

— Еще как храпишь, — хихикнула Метровочка. — Даже белки с елок падают.

Колобок обиженно поджал бока, но спорить не стал. Схватив бутыль, он буркнул себе под нос: «На всякий случай!» — и закатился под стол. Будто там и правда было самое подходящее место, чтобы подумать.

Через пару минут оттуда донеслось не то ворчание, не то храп. Метровочка только покачала головой, догрызла очередной орех, а потом, будто вспомнив что-то забавное, наклонилась к столу и громко крикнула в темноту под ним:

— Эй! А чего это ты вечно один? Ни семьи, ни стаи, ни даже нормальной компании. Чего, невесты не было?

Из-под стола донеслось недовольное шуршание, а потом голос Колобка, слегка приглушенный досками:

— Была тут одна история... Не то чтобы невеста, а так... делегация. Сваты приходили.

— Сваты? — расхохоталась Метровочка. — Да ты что! И кто же такая счастливица?

— Да не... Это я счастливый, коль до сих пор не женат, — буркнул Колобок, выкатившись обратно и потирая бок. — А они думали, что осчастливят брачным союзом со мной свою бесприданницу. Приперлись всей родней: барсук, два енота и куница. Мол, у нас, говорят, барышня видная, характер тихий, лапки мягкие, а ты, Колобок, известный удалец, вот и сойдемся мы по лесной части.

— И что? — Метровочка уже смеялась, не сдерживаясь.

— А я им: «Ребята, я хоть и удалец, но не настолько. У меня график плотный: утром — разборки с белками, днем — дань собираю, вечером — песни пою. На семейную жизнь времени нет». Ну, а барсук, он самый горластый был, давай кричать: «Да ты нашего достоинства не уважаешь! Да мы тебе сейчас устроим!» Ну, я и... слегка его придавил. Не сильно, просто чтобы громкость убавить.

— Слегка придавил? — хохотала Метровочка.

— Ну, может, чуть больше, чем слегка, — смутился Колобок. — В общем, еноты с куницей сразу в кусты... кажется... а барсук остался. И орал, и орал... Пока я ему не сказал: «Все, хватит, я согласен, только замолчи!» Он аж подпрыгнул: «Так ты женишься?!» А я: «Нет, я соглашаюсь, что ты замолчишь!» Тут он совсем рассвирепел, полез на меня вроде как в драку... А я его опять... Ну, притормозил. И вот теперь он, наверное, ползет жаловаться деревенским паханам, что я его честь порушил и семью развалил... Грозился им настучать на меня, по крайней мере.

— То есть ты его не убил, а просто... воспитал? — сквозь смех уточнила Метровочка.

— Именно! — гордо заявил Колобок. — Воспитательная работа с населением — это у меня специализация.

— Ох, специалист, — покачала головой Метровочка, вытирая слезы от смеха. — Ну, если он до паханов доползет, жди гостей.

— Да какие гости, — махнул ухом Колобок. — Он вечность ползти будет, да еще и не туда. У него с направлением теперь беда. А придут, так я им еще одну лекцию прочитаю про режим дня и важность тишины. Так что спи спокойно... Я на страже.

— С тобой тоже не соскучишься, — сказала Метровочка, качая головой и зевнув так, что чуть не сложила уши. — Ладно, отбой. Утречком договорим. А то я уже так навосхищалась твоей изобретательностью, что ноги подкашиваются.

С этими словами она направилась в спальню Колобка, по дороге прихватив чашу-тыкву на случай... непредвиденных обстоятельств.

Колобок проводил ее взглядом, потом осторожно пробрался к вешалке, собранной из коряг, снял с крюка старый шерстяной лоскут, завернулся в него, как в плащ, и закатился обратно под стол.

Через минуту оттуда донеслось ровное, мощное похрапывание. Метровочка приоткрыла дверь, посмотрела, хмыкнула во весь голос и фыркнула:

— А говорил, не храпит...

Она закрыла дверь и осталась в комнате одна. Потом легла в постель, закрыла глаза и прислушалась. За окном шелестели деревья, будто пересказывали друг другу эту историю. И где-то далеко, в темноте, все еще полз по траве упрямый барсук: обиженный, решительный и очень, очень злой.

Глава 2. Геройский барсук

А в это время недодавленный Железным Колобком барсук, единственный уцелевший из делегации сватов, уже подползал к деревеньке. В глазах его сверкала неукротимая жажда мщения за поруганную честь сестры, за раздавленных в лепешку братьев. Шесть месяцев и один день он полз с перебитыми ногами через леса, через поля, через кучи... Ну, скажем, через кучи, которые лучше не нюхать. Полз упорно, метр за метром, к линии, называемой околицей, в надежде застать паханов дома.

Паханы были дома.

Старший, по кличке «Дед», сидел на пороге и лениво точил ржавый топор, хмуро посматривая на подползающего барсука. Вид у Деда был такой, будто он не просто правил лезвие, а шлифовал свою философию: «Слово — серебро, молчание — золото, а удар обухом — вообще вне валютной системы».

Младшего звали «Мальчик-Шаловливый-Пальчик». Так его прозвали за то, что он во всей деревне ни одной дырки не пропустил... ни в заборе, ни в логике, ни в чужом кошельке. Вот и сейчас он сидел, поглаживал правую руку, словно примеривался, кого бы пощекотать, и наблюдал, как барсук преодолевает последние метры, выпятив тощий задок.

А еще была у них подруга общая, Маруся, которую все звали «Маруся-Со-Всеми-Перетруся». Но она не любила свое погоняло и предпочитала называть себя просто Машенькой. Машенька была хозяйкой постоянного двора, где путники могли поесть, поспать и послушать байки, от которых даже у бывалых путешественников мурашки бегали по коже. Сейчас она стояла в дверях, прикидывая, на что может сгодиться полудохлый барсук: то ли в суп отправить, то ли таксидермисту отдать, чтобы клиенты дольше сидели и пили, любуясь на чучелку.

Барсук, поняв, что наконец-то добрался до места, из последних сил оперся нижней челюстью о край корыта и воззвал:

— *Вставай, подымайся, крутая братва,
На смерть ненавистным кругляшам!*

— О чем это он? — изумленно спросила Машенька.

— Да-а, совсем плох брателло, — покачал головой Дед и звонко щелкнул ногтем по лезвию топора. Звук вышел такой, что даже куры в соседнем дворе тут же сделали вид, будто срочно вспомнили важное дело, и разбежались.

А барсук между тем продолжал декламировать:

— *Железного Колоба жаждем сперва,
А после на нем же и спляшем!*

— О чем ты, болезный? — участливо спросил Мальчик, наклоняясь и поглаживая барсука против шерсти, от чего тот только сильнее дергался.

Но тут взгляд барсука прояснился, и он завопил:

— Братцы-ы, помогите наказать врага нечестивого! Он насильник орешков, убийца желудей, грабитель шишек, растлитель спокойствия лесного! Ужасного Колоба по прозвищу «Железный» надо проучить, чтобы другим неповадно было!

— Во загнул, — сказал Дед, вставая. — Так мы, милок, и сами по этой части не лыком шиты. У нас тут, если хочешь знать, кодекс неписанный: «Не тронь ближнего, если он не мешает пить чай. А если мешает — есть варианты».

И они дружно заржали. Барсук понял, что дело может обломиться, и завопил пуще прежнего:

— Ребята-ы, а добра-то у него видимо-невидимо! Палаты царские... А в них золота, серебра понапихано! В погребах вина заморские киснут! Сладко ест, сладко спит! Да не один к тому же, а с целой командой лесных девок, которых он себе в услужницы понабрал. Брюхо сытое поглаживает, да вас, паханов, недобрым словом облаживает! Вот такой он злодей, Колобок-прохвост!

— Стоп! — рявкнул вдруг Дед, подскакивая так, что половицы скрипнули. — Как ты сказал? Колобок?

Барсук судорожно закивал головой, дробя в крошку источенное термитами корыто.

— Машенька, — тихо молвил Дед, — а помнишь ли ты того уroda, который у меня крынку с зол... со сметаной спер да в лес улизнул?

— Как не помнить, — пробасила Машенька. — Еще бы: из-под носа утащил, да еще и подмигнул на прощание. У меня с тех пор к подмигиваниям иммунитет: сразу рука к скалке тянется. К тому же этот паскудник в моем владении неделю девок... постояльцев бесплатно кормил, а после и смылся, гроша не заплатив. У меня тогда репутация трещала по швам, как старый зонт в ураган.

— Да и мне он изрядно напакостил, — задумчиво произнес Мальчик, рассматривая один из своих приплюснутых пальцев, будто тот до сих пор помнил встречу с Колобком. — Я тогда как раз имя себе делал — первого щекотуна на всю округу. А этот кругляш наехал мне на пальцы, скотина... Две недели потом ни одной девки ущекотать, ни карманы обшманать не мог. Одно слово — кругляш. Ни угла, ни совести.

— Колобок! — дружно проорали они и посмотрели на барсука так, будто он только что вручил им не рассказ, а готовый план мести.

— Вот что, брателло, — сурово произнес Дед, втыкая топор по самую рукоять в косяк. Дом тихонько вздрогнул, бревна скрипнули, будто вздыхали: мол, «Ну вот, опять мне отделку портят». — Давай рассказывай дорогу, а после проси что хочешь. Для брата нечего не пожалею за новость такую. Правда, ребята?

— Верно молвишь, батько! — хором ответили те и подошли ближе.

И рассказал барсук всю правду-матушку. Раскрыл все тропинки тайные, от ворогов схищенные. Описал каждый кустик, каждую травинку, брюхом проползанную, до логова врага лютого — Колобка ненавистного. А взамен лишь попросил одну-единственную вещь: чтобы его положили на сеновале, накрыли старым тулупом и дали миску горячей каши. Пусть это будет его последняя тихая ночь.

Сказал — и дух испустил.

— Кончился, — грустно понурилась Машенька.

— Отмаялся, бедолага, — согласился Мальчик.

— Ну что ж, добрый был хлопец, — вскинул седую голову Дед. — Надо бы исполнить волю покойного.

— Да куда же его теперь такого? — удивилась Машенька.

— А мы ему памятник сделаем! — радостно вскрикнул Мальчик. — Из старого пня. И табличку повесим: «Здесь лежал герой, который полз шесть месяцев и один день». Пусть все знают, какой он был упорный. Ну что... я за пнем?

— Обойдется... — махнул рукой Дед. — Могилки хватит... А вместо памятника... Да вот разбитое корыто поставь... Все равно вещь испорчена...

На том и порешили. А еще договорились утром в путь-дорогу собираться: Колобка-изменщика изловить да наказать примерно, чтобы другим неповадно было пахана с корешами обманывать.

Утром Дед запряг своего «шестисотого мерина» и загрузился оружием под завязку, да харчами на неделю. Машенька оставила за старшую Красную Шапочку на постоялом дворе, но на всякий случай повесила на дверь табличку: «Закрето на спецоперацию. Не стучать и за веревочку не дергать».

А Мальчик... Ну, на то он и Мальчик. Успел по деревне пробежаться да дочку кузнеца до икоты зашекотать. Вернулся довольный, весь в муке и в... веснушках.

— Ох и доиграешься ты, Мальчик, — пожурела его ласково Машенька. — Защекочешь какую-нибудь глупышку до известных последствий, да с перепугу и женишься. Кто тогда моих постояльцев будет развлекать небылицами? Да они ж без твоих баек и ложку каши не съедят.

Потупился виновато Мальчик и быстренько запрыгнул в телегу. Тут и Машенька рядом примостилась. Тяжело скрипнула ось. Веса в Машеньке было столько, что даже телега уважительно кряхтела, будто понимала: везет не просто груз, а центр вселенной их деревни.

Дед щелкнул вожжами, мерин фыркнул и гордо побежал вперед, будто под ним не копыта, а действительно подвеска премиум-класса. Телега скоренько покатила по дороге, поднимая пыль и слухи.

Глава 3. Вербовка, или без драки дружбы не бывает

Солнце не заставило себя ждать и весело поднялось над верхушками деревьев. Лучи проникали в спальню сквозь все щели, образуя пыльный незатейливый узор. Солнечные зайцы без устали скакали по кровати, норовя залезть под одеяло к Метровочке, но тут же гасли, лишившись поддержки папаши-солнца, так ничего и не разглядев.

Метровочка проснулась в отличном настроении. Она хорошо выспалась и отдохнула. Ночью ей снился чудесный сон: ее крылатый супруг, принц Фунькин, ползал перед ней на коленях, умоляя вернуть «то, чего нельзя увидеть». Этот магический артефакт Метровочка прихватила в храме фей, решив, что ей он будет нужнее, чем старым жрицам. Собственно, из-за этого на нее и объявили охоту, назначив награду за поимку негодницы в размере... Впрочем, о сумме история умалчивает. Метровочке было глубоко наплевать на всю эту мышиную возню: главное, артефакт мог переносить владельца на любое расстояние в мгновение ока... не считая других полезных и не очень плюшек.

Окончательно стряхнув остатки сна, она сладко потянулась и тут же скользнула рукой к секретному месту на поясе, где хранила украденную вещицу. Та тихонько вибрировала, отдаваясь приятной волной где-то между лопатками, будто кто-то щелкал по натянутой струне прямо у нее под кожей. От этой вибрации у Метровочки на секунду даже пальцы на ногах поджимались от удовольствия. Удовлетворенно хмыкнув, она бойко прыгнула с кровати.

В углу раскорякой стояло чучело крольчихи.

«Видать, Колобок частенько использует ее как опору для раздумий», — подумала Метровочка, разглядывая изрядно вышарканную шкурку ниже хвостика, и гаденько захихикала.

Она одернула юбку и блузочку, вышла из спальни и, пнув мирно дрыхнувшего под столом Колобка, принялась за недоеденные вечером орешки.

«Нет, не привиделось», — хмуро думал Колобок, разглядывая болтающиеся голые ноги Метровочки. Он до последнего надеялся, что ему снился ночной кошмар. Потирая отлежанные бока и старательно кряхтя, он уселся напротив Метровочки и, храня гробовое молчание, исподтишка стал изучать ее.

«Ну и что такого привлекательного я вчера в ней нашел? — уныло размышлял он. — Рыжие волосы, лицо в конопушках, нос вздернут, грудки маленькие, бедра узкие, задница мальчишечья — тинэйджер в юбке, да и только. Вот то ли дело крольчиха моя была», — вздохнул он печально.

— Ну что такой грустный сидишь? — спросила Метровочка, которой до смерти надоело играть в молчанку. — Не переживай, найдем мы тебе бабу, без женских прелестей, зато работающую.

— Ты вчера насчет выгодного дельца намекала, — хмуро бросил Колобок.

— Я-я-я? Когда это? — удивленно вскинула бровки Метровочка.

— Как это когда? Да вчера, когда ты у меня перед носом... э-э... эффектно появилась.

Колобок недоуменно уставился на Метровочку...

— Пфф, — фыркнула она, — что-то не припомню.

— Это что ж значит? — начал заводиться Колобок, возмущенно трясая щеками. — Я тебя кормил, поил, издевательства всяческие терпел... И мало того что по ушам получил, так еще и постельки теплой лишился, да и подружки любимой!!! Это я не тебя, доску стиральную, в виду имел...

Договорить Колобок уже не успевал. С того места, где только что сидела Метровочка, сорвался ураган. Уши заложило от яростного крика.

— Это кто доска? Это я-то доска?

И со стены снесло светильник. Радостные светлячки дружно бросились врассыпную. Следом в сторону Колобка полетело кресло, за ним — стол... начали поскрипывать стены. Побелевший от ужаса Колобок сделал лужу и мягко в нее уселся, получив в лоб ночным горшком.

— Ме... Ме-е... Метровочка, — наконец проблеял он, — я не хотел... Я не увидел... Старый стал, зрение подводит, вот и не разглядел твоей красоты, — скороговоркой выплюнул он, одновременно уворачиваясь от стопки летающих тарелок, ложек и вилок. От испуга Колобок заговорил в рифму:

*— Ты стройна, как кипарис,
Талия осиная,
Да любая мира мисс —
Курица противная,
Супротив такой красоты
Не годится и в подметки!*

Колобок прокричал это, уклоняясь от очередного предмета, и перевел дух. «Вроде стихло», — подумал он.

— Продолжай, — сказала Метровочка, поигрывая кувшином из китайского фарфора. Колобок и сам уже вошел в раж. Его, что называется, понесло.

*— Твои глаза — глубокие озера,
Голос твой — ну слаще соловья,
Я готов стать даже вором,
Чтобы потом украсть тебя!*

Метровочка уже сидела на опрокинутом кресле, покачивая ножкой и в такт стихам размахивая ручкой, подбадривая новоиспеченного поэта. Колобок же, выставив левый лапоть вперед, продолжал орать в стиле бывшего рэпера:

*— Твои спелые... э-э... формы,
Тверже каменных глыб,
От макушки до пяток —
Нет прекрасней тебя... йо!*

Метровочка вовсю рукоплескала, заливаясь веселым смехом. Колобок раскланивался, поняв, что ураган прошел, и поражаясь своему вдруг открывшемуся таланту.

— Ладно, прощаю, — смилостивилась Метровочка, радостно улыбаясь. — Будет тебе выгодное дельце. Пошли прогуляемся, заодно и обсудим наших баранов.

Они вышли из дома и направились в лес. Только за поворотом скрылся толстый зад Колобка, как с другой стороны к домику подкатил «шестисотый мерин» Деда.

— Тпрру, милай! — зычно крикнул Дед, лихо выворачивая к самому подъезду. — Слазь, братва, приехали, — распорядился он и вышел на дорогу. В руках у него был здоровенный многозарядный щепкомет системы «Колун».

Мальчик выскочил из тачки, как черт из коробочки. Дико вращая глазами, он вертел мельницу из двух сечек для рубки, будто собирался превратить в капусту всех встречаемых и поперечных. Последней степенно высадилась Машенька, тяжело вздыхая и не спеша перебирая ногами. Она выбралась на дорогу с ухватом-74 наперевес и застыла грозным монументом.

— Так, — молвил Дед, оглядывая амбарный замок на дверях, — похоже, никого нет дома. Ну, мы люди терпеливые, подождем. Айда, братва, засаду устраивать.

А в это время Метровочка и довольный Колобок обсуждали коварные планы легкого обогащения законными методами.

— Перво-наперво, — вещала Метровочка, — нужно команду набрать: не слишком тупых, но и не особо умных. Есть у тебя кто на примете?

— Даже не знаю, — растерянно развел ушами Железный Колоб. — Конкурентов-то я всех поразгонял... А впрочем, живут тут под горой три свинаря, три брата, сволочь отменная. Всех волков в округе на фарш позабывали... Детских обид никак забыть не могут. Я бы, конечно, и их в тропу закатал, да обратно в гору выкатываться тяжело. В общем, нет у меня интересов в низине.

— Прекрасно, — обрадовалась Метровочка. — Вот с них и начнем.

Под горку, через овражек, компаньоны быстренько докатились до огромных грязевых луж, где вальяжно развалились три свинаря, вытянув рыла в сторону солнца. Эти рыла вызывали невольное уважение: толстые, в багровых шрамах, с огромными, торчащими в стороны желтыми прокуренными клыками, они походили на корявые пни с рваными дырками посередине.

— Салют, мальчики! — весело крикнула Метровочка, с ходу врезаясь коленом в ближайшего братца, что раньше звался Наф-Нафом, а теперь откликнулся строго на К-1. Из троих он был самым мелким, но самым зубастым и единственным, кто умел считать до десяти, чем не переставал гордиться.

В ответ на «приветствие» лишь раздался недовольный и обиженный хрюк, будто кто-то придавил кабана тяжелой балкой и тот пытался выразить все свое возмущение одним коротким выдохом. К-1 нехотя шевельнулся, потер бок и буркнул что-то про «бешеных феечек».

Но Метровочка уже крутилась на месте, оценивая остальных, которые лежали в самой гуще грязи и выглядели так, будто очень хотели слиться с фоном: К-2 (Нуф-нуф) — гору сала и мышц, которая даже не шевельнулась от пинка Метровочки, а лишь глухо хрюкнула, но так, что земля под ногами дрогнула; и К-3 (Ниф-ниф), который, в отличие от брата, сразу шарахнулся в сторону, залязгав клыками и не дожидаясь, пока наглая девчонка треснет его пяткой в бок.

— Привет конкурирующей фирме, — добавил Колобок, едва успев затормозить и вписаться в эту суматоху.

Теперь в ответ прилетело сразу два хрюка и шматок жидкой грязи.

Метровочка ловко увернулась, уходя в поперечный шпагат: ноги разъехались в стороны, бедра смачно шлепнулись о мокрую землю, и тут же по подолу юбки поползли темные грязные разводы.

Колобку же досталась вся порция липкой, вонючей смеси: она шмякнулась прямо ему в нос, растеклась неровным пятном по физиономии и повисла комками на ушах, будто нарочно подчеркивая, кто тут сегодня главный лох.

— Да вы что, свиньи, в натуре, совсем оборзели? — взревел он, сплевывая мерзостную дрянь себе на пузо. — Вы на кого наехали? На меня, на Колоба Железного? Да я вас сейчас в этих же лужах в асфальт... тьфу... в грязь закатаю!

— Слышь, братуха К-2, а что там за писк комариный раздается? — едва повернув голову, спросил свин, называвший себя К-1.

— Да то не комар, — встрял К-3, — то из-под кочки болотной газ вонькой выходит, — и они дружно заржали.

Колобок, потеряв дар речи, покрылся цветными пятнами и стал похож на грязный комок пластилина.

— М... н... у... в-все-е-е, сейчас я вас убивать буду! — просипел он и стал набирать обороты. Земля зашипела, испуская пар под тем, что изначально являлось Колобком.

— Старт! — взвизгнула Метровочка, прыгая на пенек и взмахивая на ходу снятыми трусиками, словно сигнальным флагом.

Огненный болид, разгоняясь, понесся к первому свинарю. Тот, успев лишь жалобно хрюкнуть, был вмят в почву по самые уши: лишь пяточек торчал над землей розовым грибком. Запахло паленой шерстью и жареным беконом. Заложив вираж, Колобок рванул к остальным.

Поняв, что дело пахнет шашлыком, братья ломанулись в разные стороны. Но не тут-то было. Одного Колобок догнал и припечатал к дубу так, что с него осыпались все желуди, завалив обоих по макушку. А второго, сделав красивое сальто, оседлала Метровочка. Схватив того за уши отнюдь не слабыми ручками, она принялась гонять свинаря по кругу, весело смеясь, молотя по ребрам голыми пятками и размахивая трусишками над головой, будто ковбой лассо.

Изображавший из себя гриб К-1 наконец выбрался из ямы и громовым голосом проорал:

— СТО-О-ПЭ! Хорош бильярд гонять, мы сдаемся!

Колоб, уже обративший в пепел гору желудей, на секунду замер, но и этого ему хватило, чтобы потерять скорость вращения и начать замедлять ход. Вот слегка шипящее тело Колобка еще раз дернулось и остановилось совсем, приобретая нормальный стальной цвет. К-3 отлепился от дерева и рухнул навзничь, лишившись нежных чувств несостоявшегося поэта. Тут и Метровочка подросла на своем взмыленном «скакуне».

— Тпруу, свинушка, — пропела она и грациозно прыгнула в лужу, обкатив всех вонючей водой. — Хороший мальчик, — сказала, ласково шлепнув его по пяточку. Тот лишь покосился на нее безумным взглядом, роняя слюну и дрожа салом, от которого, впрочем, после такой гонки осталась лишь тонкая прослойка.

— Ну вы натворили дел, — покачал головой К-1, разглядывая свою дочерна выжженную спину.

— А нехрен было в драку лезть, — прорычал все еще не остывший внутри Колобок.

— Так мы же того... типа, пошутили, — подал голос К-3, приходя в сознание и удивленно рассматривая свой силуэт, глубоко впечатанный в дерево.

— Так и мы пошутили, — подмигнула ему Метровочка.

— Ни фиги себе шуточки, — возмутился К-2, наконец-то обретший дар речи после дикой скачки. — У меня все ребра трещат после этой... э-э... гимнастики дур.... — И осекся, не договаривая, будто салом почувствовав, что продолжать не стоит. Лишь уныло спросил: — Чем это ты меня охаживала?

— Пяточкой, милый, пяточкой, — промурлыкала та и, не моргнув глазом, натянула высохшие трусики. — Порядок, — буркнула она, одергивая подол. — Теперь можно и о деле подумать.

К-2 покраснел и отвернулся, бормоча под нос что-то о современных нравах и великих соблазнах.

— Ладно, кончай базар, — сказал К-1, блаженно развываясь спиной в луже и потирая копытом пятак. — Зачем пожаловали?

— Вот с этого и надо было начинать, — радостно защебетала Метровочка. — А пришли мы к вам, могучим трем свинарям, дельце небольшое предложить. Работенка непыльная, вам, бугаям, привычная.

— Не, не пойдет, — вяло махнул копытом К-3. — Мы работать не любим.

— Мы не любим, — хором вторили ему остальные.

— Да не о той работе речь, балбесы, — рассердилась Метровочка. — Я не заставляю вас землю пахать или стриптиз танцевать. Нужно всего лишь совершить небольшой государственный переворотик.

— Статья 666-Б, от тридцати до пожизненного... Не пойдет! — прикинул К-1, который слыл среди братьев самым грамотным.

— Да мы заплатим... Правда, Колоб Колабьевич? — обратилась она к Колобку.

— Угу, — проворчал тот. — А если надо, и накатим, — добавил он, вспомнив «болотную кочку».

- Сколько? — оживился К-3.
- Ну-у, — замялась Метровочка, — вы какую валюту предпочитаете?
- Мы предпочитаем желуди. Вон весь дуб без них оставили, ироды.
- Хорошо, дадим вам с десятка дубов на рассадку, — расщедрилась она.
- Каждому! — дружно проорали все трое, протягивая копыта для рукопожатия.
- Хорошо, каждому, — горестно вздохнула Метровочка, грозя исподтишка кулаком ухихатывающемуся Колобку. На том и сошлись.

Глава 4. Как бордель стал храмом

Коварнейший план задумала Метровочка: прибрать к рукам власть в стране фей и стать единоличной правительницей всей Фейляндии. Надо сказать, что хоть там и водились короли с королевами, принцы с принцессами, по-настоящему рулила каста жриц храма «То, чего нельзя увидеть». Ничто не происходило без их ведома и согласия. Метровочка отлично понимала: пока храм стоит, покоя ей не будет. Найдут, притащат и выпорют ремнем! Это у них называлось «ритуал покаяния».

Она отлично помнила свою жизнь в храме. Туда она попала после развода с принцем Фунькиным. Для него она, видите ли, стала слишком высока. Ну подумаешь, выросла девушка, и супруг теперь свободно мог сидеть у нее на ладони, болтая ножками. Для большой любви это не помеха. «Убитая горем» после расставания с титулом принцессы, она напросилась в прислужницы храма, рассчитывая на скорый карьерный рост во властных структурах. Но вскоре об этом пожалела. Во-первых, пробиться наверх можно было только через много... ну очень много лет. Во-вторых, постоянное уныние в коллективе жриц просто-напросто выводило Метровочку из себя. Ее деятельная и жизнерадостная натура требовала простора, а не заунывных молитв и бесконечных покаяний.

Строптивой послушнице Метровочке постоянно доставалось за попытки развеселить своих «коллег». Жрица, специально назначенная следить за дисциплиной, не прекращала использовать ремень, который то и дело опускался на Метровочку, оставляя на нежной коже красные следы. Наконец такая «служба» надоела слишком уж энергичной девчонке, и она сбежала из этой богадельни.

Метровочка ухмыльнулась своим мыслям. Уж она-то точно знала, что это слово как нельзя больше подходит к этому, с позволения сказать, органу власти.

На заре времен храм был обыкновенным борделем, и резвились там обычные девицы, знавшие толк в развлечениях. Но однажды к хозяйке заведения, бойкой и сметливой Тее, случайно попала странная вещица: небольшого размера, вытянутой формы, гладкая, приятно тяжелая, удобно ложившаяся в ладонь. Наткнулась она на нее в старых развалинах, когда подбирала место для постройки еще одного крыла своего расширяющегося заведения.

Тея сперва приняла блестящую палочку за дамскую гантельку. Такие иногда привозили заморские купцы для укрепления кистей рук. Она повертела предмет, разглядывая его со всех сторон. Палочка будто чуть теплела от прикосновения. Машинально поглаживая ее и размышляя, куда бы пристроить, Тея решила, что будет делать гимнастику по утрам, не вставая с кровати.

Тут же улеглась на постель, чтобы попробовать, как это будет в действии. Поднимая и опуская руку, она неожиданно нащупала скрытый рычажок.

— Ну-ка, ну-ка... — пробормотала Тея, и вдруг ее накрыло предвкушением чего-то необыкновенного, словно она стоит на краю обрыва и вот-вот прыгнет. Пульс бешено ускорился, в пальцах появилась легкая дрожь, и, не в силах сдержать этот азарт, она повернула рычажок.

В глазах потемнело, воздух загустел, а по коже пробежал электрический холодок — тот самый, что переворачивает все внутри, когда хочется смеяться и кричать одновременно.

Сама не зная почему, она подумала: «А хорошо бы сейчас оказаться в спальне короля». Миг — и Тея очутилась на роскошном ложе. Рядом лежал король, который от неожиданности даже забыл, что он монарх, и выглядел скорее как человек, которому опустили на голову деревянную колотушку: раскрытый рот и выпученные глаза говорили как раз об этом.

От шока она дико вскрикнула — и тут же очутилась у себя в комнате, всхлипывая от переизбытка впечатлений. Сердце колотилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди. Тея

откинулась на подушки, перевела дыхание и, не глядя, положила находку на столик. Только когда шум в голове унялся, она снова взяла ее в руки. Предмет тихо пульсировал, словно смеялся над ее удивлением.

«А не простая это палочка, — подумала Тея, вертя ее в пальцах. — Назовем сей артефакт Психопрыгом. Почему? Потому что сначала в голове все психует от эмоций, а потом — прыг! — и ты уже где угодно».

Она хмыкнула, явно довольная своей формулировкой, но тут же вновь стала серьезной. Фейка соскочила с кровати и нервно заходила по комнате, прикусив губу.

— Итак, что мы имеем? — лихорадочно соображала она. — Мы имеем Психопрыг: он способен переносить физическое тело в любое место. И срабатывает он на сильные переживания... Если уж такой крошечный азарт смог его запустить, значит, подойдет и страх, и ярость — любая вспышка, где в висках стучит, а в голове остается только одна мысль: «Хочу туда».

Ее губы дрогнули в хищной улыбке.

— Видимо, тут срабатывают какие-то нейрохимические процессы... Ну неважно. Принцип прост и даже приятен. Но что это нам даст?

Тея остановилась, в раздумье наморщив лобик, и резко хлопнула себя по нему, разглаживая морщины.

— Ба! Это нам даст ВЛАСТЬ! Вот где теперь все они у меня! — Она крепко сжала маленький кулачок. Под «они» подразумевались, естественно, похотливые козлы из высшего света, так называемые власть имущие.

— Теперь вы у меня попляшете, — она вновь заметалась по комнате, возбужденно размахивая руками. — Никуда от меня не скроетесь: всех увижу, все узнаю... И шантаж! Будете плясать под мою дудку, никуда не денетесь. А пока... Пока нужно провести эксперименты по детальному изучению этой прелестной вещицы.

И она нетерпеливо прищурилась.

Чтобы унять дрожь, Тея выпила чарку медовухи и вновь легла на кровать. Затем прикрыла глаза и принялась тренироваться с артефактом. Вскоре она научилась перемещаться: стоило представить место и вызвать в себе сильную эмоцию — и ты уже там.

Поначалу добиваться нужного всплеска было непросто. То она вспоминала что-то жуткое до мурашек, то грустное до слез, то просто злилась на кого-нибудь, кто днем ее огорчил. Каждый раз приходилось заново раскачивать внутри эту волну, и процедура выходила утомительной. Но Тея была упорна: быстро приловчилась действовать максимально эффективно, отбирая самые «ударные» воспоминания и доводя их до нужной силы одним коротким толчком мысли.

А потом она наконец разобралась в работе того малоприметного рычажка. Оказалось, он может запускать весь процесс самостоятельно. Если сдвинуть риску в другую сторону, артефакт перестает требовать от нее готового эмоционального всплеска, а начинает сам его генерировать. Легкий поворот — и тебя заливают волной безудержного хмельного веселья, а следом срабатывают те же нейрохимические связи, и открывается портал. Это было намного удобнее: не нужно копаться в воспоминаниях или вызывать волнения.

Но на этом сюрпризы «Психопрыга» не закончились. Тея случайно обнаружила, что при длительном контакте артефакт не только телепортирует, но и... заражает. Стоит подержать его включенным подольше рядом с человеком, переведя риску в определенное положение, и тот начинал чувствовать то же, что владелец: ту же радость, тот же азарт, ту же ярость. Будто страсти передавались по воздуху, как зевота. Чем сильнее всплеск, тем шире радиус. Тея не стала проверять пределы... пока что. Но позже она обязательно воспользуется этим свойством.

Обнаружилось и другое: «Психопрыг» опасен не только для того, против кого направлен, но и для хозяйки. Если не контролировать силу, эмоции могут разорвать саму владелицу... Так недалеко и до безумия.

Тея широко улыбнулась.

— Наконец-то артефакт работает на меня, а не я на него, — пробурчала она, поудобнее устраиваясь на подушках. — Ну-с, поехали!

Собрав компромат на каждого, кто хоть что-то значил в стране, хитрая фейка принялась манипулировать ими, переставляя, словно шахматные фигуры на доске. Постепенно Тея обрела все большую власть, становясь таким серым кардиналом в юбке.

Свой бордель она переименовала сначала в «Храм любви»: красиво и поэтично. Потом — просто в «Храм». Коротко. Солидно. Сразу видно: тут не развлекаются, тут решают дела.

Если люди готовы уважать слово только за его «древность» и «важность», пусть уважают. Она сама наполнит его нужным смыслом.

Со временем скромное здание разрослось. Тея прикупила соседние участки, обнесла все каменной стеной, надстроила башни. Издали все это походило на небольшой замок. Так его простолюдины и называли: «Бабский замок-храм».

Девушки легкого поведения постепенно превратились в жриц, но уже не любви, а скорее власти. Теперь они принимали «клиентов», которых упорно называли прихожанами, исключительно для душеспасительных бесед или наставления на путь истинный — тот, который был им удобен.

За несколько десятилетий все управление окончательно сосредоточилось в их руках. В стране воцарился полный матриархат. Спустя века от бордельных времен не осталось и следа. Жрицы стали набирать из молоденьких девочек-девственниц, которые оставались таковыми до самой смерти. Это был их главный обет: «Не отвлекаться на телесные мелочи» и быть холодными расчетливыми стервами.

На деле это означало не влюбляться и не терять головы: держать дистанцию, использовать мужчин как ресурс. Проще говоря, слушать, что они болтают, запоминать, где у кого слабое место, и вовремя подсовывать нужные мысли. И ни в коем случае нельзя было позволять эмоциям мешать власти.

Именно поэтому все чувства в храме числились излишествами, и проявлять их было запрещено. Жрицы вывели это правило не из паранойи, а из горького опыта. Психопрыг, замурованный в золотой статуе Теи, не спал: он слышал эмоции. Стоило кому-то вблизи испытать сильное чувство: радость, ярость, страх, и статуя начинала тихо вибрировать, а из-под пола шел глухой гул. Жрицы привыкли: проходя мимо, соблюдали тишину, и статуя молчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.